

Творчество — это потрясающий способ существования — страстный, глубокий, только любовь может сравниться с творчеством, но ведь одно не исключает другого! Лишь медитация и молитва пре-восходят его, однако ни в коей мере не упраздняют.

Иногда эти вещи настолько переплетены, что просто душа радуется. Однажды в Москву приехал поющий раввин Шломо Карлебах. Его концерт должен был состояться в московском Дворце молодежи на «Фрунзенской». А я столько слышала о нем, что немедленно позвонила своим лучшим друзьям — Антонову с Седовым — и побежала к началу концерта покупать билеты. Раздобыла три билета, стою, жду этих оболтусов. Народ перед входом толпится, шум, гвалт — и вдруг подъезжает автомобиль, оттуда выходит седобородый невысокий человек в шапочке-кипе, в черном одеянии, он был толстоват, розовощек, глаза веселые, посверкивают! — и поднимается по лестнице. Толпа расступилась, давая ему дорогу. А он всех оглядывает с сияющей улыбкой. Вдруг остановился и протянул руки — сначала никто не понял, к кому. И тут меня осенило: батюшки мои, да это он мне распахнул свои объятия!

Ну, тогда я поступила так, как обычно поступаю в подобных случаях, — вышла из толпы, тоже обняла его, расцеловала.

Он меня спрашивает по-английски:

— Как тебя зовут? Кто ты? Писатель???

Стоим обнявшись, разговариваем о том о сем.

Слышу:

— Маринка! — Седов с Антоновым явились и застают вышеописанную картину.

Я говорю:

— Это мой друг Шломо Карлебах. А это Серега с Андрюхой.

Короче, мы провели счастливейший вечер — с огромным залом распевая псалмы и молитвы вместе с этим ликующим, празднующим жизнь раввином.

Истинно творческого человека всегда видно невооруженным глазом — по тому, как он идет, как сидит, как пьет чай, с каким вниманием смотрит на тебя, как молчит, что говорит. Если он коснется тебя — пожмет руку или погладит по голове, — ты это запомнишь на всю жизнь. Потому что, взглянув или прикоснувшись, он одарит тебя. Он только вошел, а все вокруг наполнилось смыслом. Им хочется все время любоваться. В него невозможно не влюбиться, вы понимаете, какая штука? Он творит какой-то особый мир вокруг себя, ужасно притягательный.

Много лет назад я посмотрела фильм «Не горюй!», снятый по сценарию Резо Габриадзе. А потом смотрела и смотрела «Не горюй!» — раз шесть или восемь. «Кувшин», «Необыкновенная выставка», «Бабочка», «Мимино» — больше тридцати фильмов у Резо Габриадзе, я видела почти что все. И так честно плакала там и смеялась каждый раз. Если бы мне сказал кто-нибудь тогда: эх, придет время — Резо Габриадзе, останавливаясь в Москве проездом из Лозанны в Тбилиси, своей рукой наберет твой номер телефона, и ты услышишь в трубке:

— Алло? Марина? С днем рождения! Желаю вам сохранить красоту еще хотя бы на год!

— На год не получится! Это слишком много!

— Тогда на девять месяцев.

— Как вы?

— Хорошо, — ответит он мне. — Я в хороших брюках, в рубашке, носках. На мне хорошая голова, и уши не отходят далеко, но жмутся к голове боязливо. Я читаю вашу книжку, но не залпом, по слогу в неделю! Растворяю удовольствие.

...Я не поверила бы! Просто не поверила.

На протяжении нескольких лет я никак не могла взять у него интервью для моей радиопередачи. Он постоянно был занят, причем абсолютно разными вещами, но в каждое свое дело он вкладывал всего себя без остатка. То он пек хлеб — хлеб у него кончился: женщина, у которой он жил в Москве, куда-то уехала, продукты он все съел и решил печь хлеб.

— Какое это, — говорит, — занятие прекрасное — печь хлеб.

Когда он ел, то мука летела у него изо рта.

В другой раз прихожу — он сидит на коврике, мешок с тряпицами перебирает. К тому времени Резо Габриадзе уже стал знаменитым на весь мир режиссером кукольного театра. Маска с черной вуалью, жемчугами и золотом, расшитые воротники, серебряные нити, пурпурные ленты — этакий тюк волшебника.

Вы когда-нибудь держали птичку в руках? Мне кажется, у них в одном ритме бьется сердце — у птички Бори Гадая из кукольного спектакля Резо Габриадзе «Осень нашей весны» и у Резо.

Я Борю не держала в руках. А старика Янкеля из этого спектакля держала. Тёплый, мягкий, улыбчивый, он прожил у меня три дня и три ночи. А к концу третьего дня позвонил один художник. Он сказал, что хочет «повторить» Янкеля.

— Ну нет, — ответила я, держа старика на руках, а он отечески обнял меня за шею, прикрыл глаза, мне слышно было, как Янкель дышит. — За день не получится.

— Вся кукла из цельного куска? — деловито спросил художник. — Нет? Ах, механика?! — воскликнул он.

— Органика, — сказала я.

Однажды Резо Габриадзе предложили как художнику принять участие в эротической выставке. Резо нарисовал на холсте каменную стену и написал с поистине эпическим размахом: «Если долго смотреть на стену женской бани, она становится прозрачной. У автора не было времени, поэтому он нарисовал, что он увидел, а вы смотрите и увидите, что вы хотите».

Я говорю:

— А если дальше смотреть и смотреть, то станут прозрачными обитатели бани и противоположная стенка тоже станет прозрачной, тогда взору наблюдателя откроются такие дали, о каких он даже и не подозревал!

— Но это уже работа не на эротическую выставку, — сказал Резо, — а туда, где будут пейзажи — Шишкин, Репин — вот эта компания.

Еще у него есть великий афоризм: «Если долго смотреть на табуретку — становится страшно».

Я приравниваю это высказывание к открытию неведомых, не нанесенных на карту земель. Потому что привычные вещи, на которые мы смотрим как на вполне заурядные предметы, непременно имеют свой скрытый смысл. И человек, проникший в суть предмета, раскрывший этот смысл, достоин нашей памяти и благодарности.

Знаете, чем прославился на все века американский художник Йозеф Кошут? Он выставил в музее стул, Стул Обыкновенный, что дало начало целому направлению в искусстве — концептуализму. Ведь искусство и есть необыкновенный взгляд на окружающий мир.

Резо Габриадзе страшно смотреть на табуретку — и мы переживаем с ним этот страх. Стул Кошута превратился в произведение искусства лишь оттого, что художник сменил угол зрения. Главное, все люди нашей Земли под этим самым углом взглянули на стул и остолбенели: он оказался совсем не той вещью, за которую выдавал себя на протяжении тысячелетий.

Необыкновенный взгляд на окружающий мир — отличительная черта творческого человека. А может быть, наоборот — именно его взгляд самый правильный, нормальный и обыкновенный. Как говорят мудрецы: то, что считается чудом на одном уровне бытия, — насквозь обычное дело на другом уровне, более высоком и духовном.

Художник, режиссер, сценарист, поэт, абсолютно цветущая личность — Резо Габриадзе. Актер Зиновий Гердт однажды сказал про него:
— Красота Резо Габриадзе спасет мир.

Поэтому Величайшими Творцами есть смысл называть людей, которые прозрели до такой степени, что видят мир не искаженным гудением собственных мыслей, желаний, страхов и наваждений, а в чистом виде во всем великолепии — каким его произвел на свет Создатель.

Есть такая притча. Учитель смотрел в окно. К нему подошел ученик. Они долго стояли молча, и вдруг ученик запел и затанцевал. Все спрашивают:

— Что? Что случилось?

А он отвечает в экстазе:

— Велик свет, что показал мне Учитель. Но сколько времени пройдет, прежде чем я увижу его своими глазами?

От самых мудрых людей планеты я получила радостную весть: каждому человеку суждено увидеть ЭТО своими глазами. Узнать, воспринять, прочувствовать, укорениться в ЭТОМ и расцвести. Прорыв реален прямо сейчас, но мы почему-то медлим и откладываем. Шекспир говорил: «Мы знаем, кто мы. Но мы не знаем, кем мы можем быть!»

Каждое человеческое существо — прирожденный творец. Для этого необязательно стремиться стать профессиональным поэтом, живописцем, композитором или актером. Не стоит проводить жизнь в ожидании Нобелевской премии. Я слышала, один американский искусствовед-миллионер говорил начинающему художнику:

— Молодой человек, послушайте мой совет. Не надо так неудержимо желать известности. Если бы знали, сколько забот и хлопот обрушится на вашу голову разом! Телефон будет разрываться на части, начнутся неразрешимые проблемы с женщинами, бессмысленные интервью, оголтелые папарацци — ни секунды покоя. Вам придется решать, кто будет вас играть в Голливуде!..

Творчество — это состояние души, плодородная жизнь, разумная, щедрая, избыточная. Способность испытывать радость от самых обыкновенных

вещей, например что ты дышишь или идешь, увидел возлюбленного или обнимаешь дерево.

У меня много знакомых деревьев. Близких друзей-деревьев у меня, наверное, столько же, сколько друзей среди людей. Зимой я часто катаюсь на лыжах в лесу в Переделкине. И там есть один мой любимый дуб, который я всегда обнимаю, когда еду мимо. Однажды я с ним познакомила моего мужа Лёнью. Лёня остался отдыхать в Переделкине, а я поехала домой. Потом я опять вернулась, а Лёня отправился в Москву сидеть с детьми и собакой.

Вот еду я по лесу, все белым-бело, встречаю мое дерево и думаю: интересно, Лёня узнавал его без меня? Приветствовал ли?

Подъехала, обхватила руками, вдруг вижу: в том самом месте, где я обычно лбом прижимаюсь к стволу, за отступающей корой белеет маленькая, почти незаметная бумажка. Я вытащила ее, не без труда развернула — там было написано детским почерком, немного корявым, который вполне мог принадлежать и Лёне, и дереву:

«Здравствуй, Марина!»

Я чуть не растаяла там на снегу. И подумала: может, ради этого момента мы и встретились в этом лучшем из миров?

Экзюпери говорил, что дворник подметает кусочек земного шара, а фонарщик освещает темноту Вселенной. Творческому человеку нужны пространство и свобода, неважно, рисуешь ли ты, тачаешь ли башмаки, плотник ты или садовник в красных кедах, окучивающий пионы. Поэтому в старину Мастер Жизни обучал своего ученика какому-нибудь обычному человеческому ремеслу, а его подмастерье, погружаясь в это дело, обретал глубокое просветление.

Один дьявольски талантливый пианист рассказывал, что, когда своих учеников он ведет за пределы привычного мира, ни слова не говорит им ни об истине, ни о любви, речь идет только о семи нотах. И запел:

— Ми до, ми до, фа ми ре, соль-соль-соль, ля си до-до-до!

Сама не знаю, как так оказалось, что я, профессиональный ученик, стала вести творческую мастерскую и на примере писательского ремесла взяла на себя смелость призвать вас ни при каких обстоятельствах не забывать любоваться мирозданием.

Как в последнем стихотворении, которое сочинил перед смертью китайский Мастер Хосин:

Из сиянья пришел я,
Возвращаюсь в сиянье.
Что ж это?

P. S. Наш разговор о взгляде на этот мир настойчиво потребовал изобразительного ряда. Я вспомнила притягательность, которой обладают для меня некоторые фотографии. Специально, чтобы углубиться в предмет, прочла умную, добрую, полную любви и печали книгу французского философа Ролана Барта Camera lucida и выстроила из фотографий, принадлежащих известным фотографам, а также любительских снимков некую картину, которая, как говорил Барт, сводится к простой мистерии существования.